

— Я не могу вамъ этого сказать,—прошепталъ мальчикъ.

— А почему, нахаль вы эдакій?—вы вѣдь только что сказали, что знаете.

— Потому что это было бы неблагородно, — смѣло отвѣтилъ Лангтонъ.

— Ага, неблагородно?—повторилъ старый Джемми.—Неблагородно, да! Такъ, такъ, я старъ становлюсь и совсѣмъ забылъ про это. Можетъ быть, вы и правы. А оскорблять старика, это благородно по вашему? Итакъ вы хотите, чтобы я васъ освободилъ отъ наказанія?

— Да, потому что я не виноватъ.

— А если я это сдѣлаю, то вы завтра влетите сюда, крича мнѣ „Улитка“... нѣтъ, я забылъ „Креветка“—это, кажется, ваше любимое прозвище?

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ладно, повѣрю вамъ на слово, хоть и не увѣренъ, что вы того стоите.

И онъ разорвалъ роковую бумажку.

— Бѣгите домой чай пить и не надоѣдайте мнѣ больше.

Лангтонъ убѣждалъ, не вѣря своему счастью, а старый м-ръ Шельфордъ заперъ столъ, взялъ большой дождевой зонтикъ съ крючковой ручкой, который получилъ странное сходство съ своимъ хозяиномъ, и ушелъ.

— Вотъ милый мальчикъ,—бормоталъ онъ, — не лгунъ, кажется? Но, впрочемъ, кто знаетъ: онъ, можетъ быть, все время водилъ меня за носъ. Онъ способенъ, пожалуй, рассказать другимъ, какъ онъ перехитрилъ „старого Джемми“. Но мнѣ кажется, что онъ этого не сдѣлаетъ. Мнѣ кажется, что я могу отличить лгуна, при моемъ-то опытѣ.

Тѣмъ временемъ Маркъ вернулся въ свой классъ. Одинъ изъ привратниковъ догналъ его и подаль записку, которую онъ поспѣшно распечаталъ, но увъ! разочаровался. Записка была не отъ комитета, а отъ его знакомаго Гольройда.

„Любезный Ашбернъ,—стояло въ запискѣ,—не забудьте своего общанія заглянуть ко мнѣ, возвращаясь домой. Вы знаете, что это будетъ наше послѣднее свиданіе, а у меня есть до васъ просьба, которую я выскажу, прежде чѣмъ уѣхать. Я дома до пяти часовъ, такъ какъ буду укладываться“.

„Я сейчасъ отправлюсь къ нему, подумалъ Маркъ, надо проститься съ нимъ, а возвращаться для этого нарочно послѣ обѣда слишкомъ скучно“.

Пока онъ читалъ записку, мимо него пробѣжалъ юный Ланг-